

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

1898.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1898.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Марта 27 дня 1898 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ
ВЛАДИМІРЪ,
Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

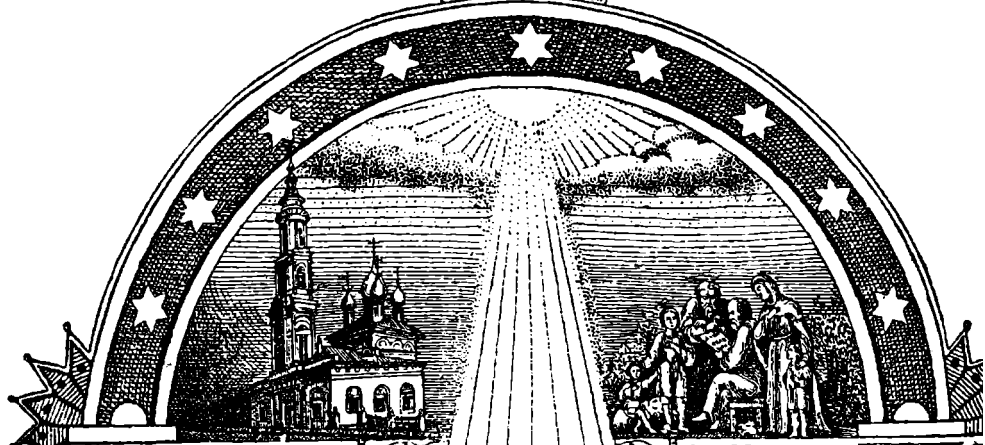
Кроме сихъ книгъ таже продаются слѣдующія брошюры Епископа
ВИССАРИОНА:

1. Грѣхи чувствъ: зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп. 2. Раздоръ между мужемъ и женой. Ц. 5 коп. 3. Духовное завѣщаніе. Ц. 5 к. 4. Гордость. Ц. 5 к. 5. Сиротство. Ц. 5 к. 6. Вдовство. Ц. 5 к. 7. Старость. Четвертое изданіе. Ц. 7 к. 8. Братья и сестры. Ц. 5 к. 9. Свекрови и невестки. Ц. 5 к. 10. Злоупотребленіе словами Св. писанія („Съ преподобныхъ преподобенъ будещи, со строптивымъ развратишися“. Пс. 17, 26, 23. „Ложь конь во спасеніе“ Пс. 32, 17. „Сотворите себѣ други отъ мамы неправды“. Лук. 16, 9). Цѣна 2 коп. 11. Изреченія Слова Божія располагающія къ покаянію. Третье изданіе. Ц. 2 к. 12. О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ (стояніе, колѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣваніе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к. 13. Радости и скорби родителей о дѣтяхъ. Пятое изданіе. Ц. 2 к. 14. Многочадіе и безчадіе. Четвертое изданіе. Ц. 3 к. 15. Святость брачнаго союза. Изданіе второе. Ц. 4 к. 16. Дружба. Шестое изданіе Ц. 4 к. 17. О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ. Второе изданіе Ц. 3 к. 18. Лица безбрачныя. Шестое изданіе Ц. 4 к. 19. Утѣшеніе и совѣты людямъ живущимъ въ бѣдности. Пятое изданіе Ц. 2 к. 20. Доброе имя. Шестое изданіе Ц. 2 к. 21. Женихи и невесты. Шестое изданіе Ц. 4 к. 22. Отчимы и мачехи пасынки и падчерицы. Шестое изданіе Ц. 4 к. 23. Имена ПАРЭСИД. Число раскольниковъ. Ц. 2 к. 24. Преподобнаго ІЕРЕМІИ—отшельника. Врачевство духовное отъ міра собираемое. (52 стр.). Ц. 10 к. 25. Врачи и ихъ пациенты. Второе изданіе исправленное и дополненное Ц. 5 коп. 26. Лѣствица добродѣтелей. Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству ЛѢСТВИЦЫ преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы, Лѣствичника (52 стр.). Цѣна 10 к. 27. Высокое значеніе храма Божія. По руководству о. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО. Изданіе второе. Ц. 4 к.

Всѣ 27 брошюры (въ нихъ 729 стран.) съ пересылкой 1 руб. 25. коп.

При выпискѣ книгъ и брошюръ сразу на 25 и болѣе рублей 20% уступки и пересылка на счетъ редакціи.

Немногіе оставшіеся полные экземпляры Душеполезнаго Чтенія за прежніе годы именно за 1872, 1877, 1880, 1883, 1885, 1887, 1888 и 1889 продаются по 2 р. 50 к., за 1890, 1893, 1894, 1896 и 1897 годы по 3 р. 50 к. На пересылку прилагается по разстоянію за 5 фунтовъ 12-ти книжекъ каждаго изъ означенныхъ первыхъ восьми лѣтъ и за 6 фунтовъ 12 книжекъ каждаго года изъ пяти послѣднихъ лѣтъ.

ТРИЦАТЬ ДВА

Послеши
Духа Твое
го, и сози
ждется, и
обновиши
лице земли.
Пс.: рг. а.

Не ѿхлебъ емъ
и не ѿ живъ
вдетъ чело
вѣкъ, но ѿ
всѣхъ комъ сла
воу, исхода
щемъ изъ уста
Свѣтлѣхъ Младъ

ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ТРИЦАТЬ ДВАТЫЙ.

1888.

МОСКВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ „РЕЛИГИИ“.

(„Парижъ“, романъ Эмиля Золя).

I.

О «крупномъ событіи» на дняхъ оповѣстили всѣ газеты. «Знаменитый» и особенно въ послѣднее время обратившій на себя всеобщее вниманіе (хотя, впрочемъ, по причинамъ, ничего общаго съ литературой не имѣющимъ) французскій романистъ Эмиль Золя окончилъ свой послѣдній романъ «Парижъ», закончивъ имъ трилогію публицистическихъ романовъ: «Лурдъ», «Римъ», «Парижъ» («Les Trois villes»). Трилогія эта, которой съ полнымъ основаніемъ можно было бы дать общее заглавіе: «Въ поискахъ новой религіи», имѣетъ (какъ это и ранѣе бывало у Золя) одну общую цѣль и одно общее главное дѣйствующее лицо—уже извѣстнаго читателямъ французскаго аббата Пьера Фромана *). Для лучшаго уясненія общей цѣли трилогіи припомнимъ связь между этими тремя романами и затѣмъ изложимъ вкратцѣ содержаніе «Парижа». Замѣтимъ кстати, что дѣйствіе романа происходитъ въ наше время.

Аббатъ Пьеръ Фроманъ, человѣкъ выдающихся умственныхъ и нравственныхъ качествъ, томится тяжелыми религиозными сомнѣніями, причиняющими ему нестерпимыя

*) См. нашу статью: „Папскій Римъ въ двухъ новѣйшихъ католическихъ историческихъ романахъ“ (*Душеполезное Чтеніе* 1896 г. №№ 8 и 12) и ст. С. С. Глаголева (по поводу „Лурда“): „Религиозный дальтонизмъ въ изящной литературѣ“ (*Богословск. Вѣстн.* 1894 г. № 12).

нравственныя страданія. Чтобы хоть сколько-нибудь помочь своему невѣрью, онъ ѣдетъ въ Лурдъ—городъ католическихъ чудесъ, и тамъ на его глазахъ дѣйствительно происходитъ исцѣленіе отъ тяжелой и застарѣлой болѣзни дѣвушки, которую Пьеръ, несмотря на свой санъ, втайнѣ любить. Но его увѣряютъ, что чудо здѣсь только кажущееся, и что исцѣленіе это, подѣ влияніемъ сильнѣйшаго религіознаго возбужденія, могло произойти и совершенно естественнымъ путемъ;—и мрачныя сомнѣнія снова окутываютъ душу Пьера. Какъ бы то ни было, нужно же какъ-нибудь жить и что-нибудь дѣлать. Какъ честный человекъ, Пьеръ рѣшается все-таки исполнять безупречно, согласно данной имъ нѣкогда присягѣ, свои священническія обязанности — при одной изъ парижскихъ церквей. Такъ рѣшаетъ умъ, а потерпѣвшее въ своей привязанности крушеніе сердце находитъ для себя другой исходъ— въ благотворительности, въ облегченіи страданій окружающей его и переполняющей Парижъ нищеты. Однако въ здѣсь Пьера скоро начинаютъ постигать разочарованія. Онъ болѣе чѣмъ ясно начинаетъ видѣть, что всѣ усилія отдѣльныхъ людей, какъ онъ, какъ бы велики и даже геройски они ни были, почти безслѣдно тонуть въ безпредѣльномъ океанѣ нищеты, порока и горя. Мало того, ему съ все большей и большей настойчивостью начинаетъ представляться мысль, что такой общественный порядокъ долѣе продолжаться не можетъ, что терпѣніе народа, угнетаемаго высшими классами и буржуазіей, скоро истощится, и тогда вспыхнетъ столь ужасная соціальная революція, что міръ потонетъ въ крови. Что же дѣлать? Гдѣ найти спасеніе? Взоры Пьера, какъ все же католика, обращаются въ сторону папскаго престола, тѣмъ болѣе, что крупная во всякомъ случаѣ личность Льва XIII и его геройскія, хотя и безплодныя, попытки сдѣлаться господиномъ положенія привлекаютъ на себя вниманіе Европы. Но спасти міръ папа можетъ однако, такъ сказать, не просто, а лишь съ помощью значительныхъ измѣненій въ самомъ характерѣ

католицизма, съ помощью лишь *обновленнаго*, реформированнаго католичества. Папа долженъ забыть всѣ свои мірскія вождельнія и притязанія на свѣтскую власть, весь мірской характеръ своей власти, и, оставшись лишь высочайшимъ духовнымъ и нравственнымъ авторитетомъ,—стать въ полномъ смыслѣ слова отцомъ всѣхъ вѣрующихъ, собрать подъ свое знамя весь міръ, всѣхъ нуждающихся и обездоленныхъ, переустроить современный порядокъ вещей, вернуть міръ къ чистотѣ и золотымъ временамъ первоначальнаго христіанства,—словомъ, водворить на землѣ царствіе Божіе. И Пьеру кажется, что именно Левъ XIII и способенъ, и долженъ осуществить его мечтанія. Въ своемъ увлеченіи и наивности Пьеръ совершенно забываетъ, что именно омірщеніе составляло и составляетъ самую сущность католицизма, что всѣ усилія Льва XIII только и имѣютъ цѣлью вернуть утраченную свѣтскую власть и господство надъ міромъ, и что безъ этого въ глазахъ всѣхъ папъ, а Льва XIII въ особенности, папство и католицизмъ не имѣютъ ни смысла, ни значенія. Пьеръ не думаетъ о томъ, что онъ предлагаетъ папѣ, поставившему задачу своей жизни возстановить папство, самоубійство папства. И вотъ онъ пишетъ и печатаетъ книгу подъ заглавіемъ «Новый Римъ», гдѣ излагаетъ свои мечты объ обновленномъ католичествѣ—въ полномъ убѣжденіи, что открываетъ лишь сокровенныя мысли самого Льва XIII. Для большаго успѣха и защиты своей книги Пьеръ ѣдетъ даже въ Римъ, гдѣ добивается, черезъ три мѣсяца, и свиданія съ папой. Но въ Римѣ съ одной стороны онъ слышитъ безусловное осужденіе своихъ идей и книги (между прочимъ и изъ устъ самого папы), а съ другой его отрезвляетъ самая дѣйствительность,—все, что онъ видитъ и слышитъ,—и онъ съ негодованіемъ, отчаяніемъ и стыдомъ отрекается отъ своихъ идей и отъ своей книги. Потерпѣвъ такимъ образомъ вторичное крушеніе своихъ надеждъ, Пьеръ уже окончательно теряетъ вѣру и съ мрачнымъ отчаяніемъ въ сердцѣ возвращается въ Парижъ, хотя все таки продолжа-

еть исполнять священническія обязанности, а за свою безупречную жизнь пріобрѣтаетъ даже репутацію святого. Этимъ начинается «Парижъ». Прежде чѣмъ излагать его содержаніе, сдѣлаемъ небольшое отступленіе формальнаго характера.

Собственно говоря, самъ по себѣ «Парижъ», безъ отношенія къ своей идеѣ, блѣденъ, скученъ и даже неправдоподобенъ. Написанный, очевидно, наскоро, онъ, какъ говорится, спитъ на живую нитку. Характеристики, изложенія различныхъ доктринъ и теорій и отчасти описанія, какъ и въ «Римѣ», загромаждаютъ романъ, лишая его живости и интереса. Предъ такимъ во всякомъ случаѣ неважнымъ въ Парижѣ лицомъ, какъ простой священникъ, видныя лица, — депутаты, редакторы, излагаютъ свои убѣжденія, дѣлаютъ пространныя характеристики положенія дѣлъ, лицъ и цѣлыхъ партій и т. п., — что (да и не это только) дѣлаетъ романъ неправдоподобнымъ. Кромѣ того, романъ переполненъ сантиментальностью, резонерствомъ и фразерствомъ. — Но дѣло въ томъ, что «Парижъ», какъ и «Римъ», въ сущности не романъ (романическій элементъ въ немъ очень слабъ), а соціологическій трактатъ, съ моднымъ именемъ, широкими задачами и громкой рекламой. И съ этой стороны его никакъ нельзя игнорировать. Прежде всего, онъ — произведеніе писателя, весьма известнаго вообще, а въ послѣднее время получившаго известность исключительную и всеобщую, хотя и неособенно завидную. Появленіе романа было обѣщано авторомъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ (при чемъ были указаны и его задачи), а два предшествовавшіе ему романа создали ему широкую рекламу, такъ что публика съ нетерпѣніемъ ожидала его появленія *).

*) Еще до окончанія печатаніемъ „Парижа“ на него поступили заказы въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Въ первые же три дня послѣ своего появленія въ свѣтъ онъ разошелся въ тысячахъ экземпляровъ. Успѣхъ его превзошелъ успѣхъ всѣхъ прежнихъ романовъ Золя. Онъ переведенъ уже на многіе языки, а у насъ въ Россіи онъ печат-

извѣстно и заранѣе, романъ имѣетъ своей задачей не что иное, какъ указать тѣ начала, которыя должны замѣнить собою для человѣчества отжившее де и уже ненужное болѣе для него, по мнѣнію автора, христіанство—«новую религію». Изложимъ теперь вкратцѣ содержаніе романа.

Возвратившись въ Парижъ и продолжая исполнять священническія обязанности, Пьеръ снова отдается благотворительности. Но прежнія сомнѣнія въ пользѣ его дѣятельности овладѣваютъ имъ теперь еще съ большею силой. Онъ видитъ, какъ ничтожны результаты его усилій; какъ гибнуть плоды его трудовъ; какъ бездна нищеты и порока снова засасываетъ тѣхъ немногихъ, кого ему удалось было изъ нея вытащить;—видитъ, какъ въ буквальномъ смыслѣ умираютъ съ голода старики, трудившіеся всю свою жизнь,—какъ малютки, вырванные имъ изъ вертеповъ нищеты и порока, еще не вышедши изъ дѣтства, попадаютъ въ когти разврата,—и у него опускаются руки. Кромѣ того, его прежнія опасенія страшной катастрофы, всеобщей соціальной революціи, начинаютъ его преслѣдовать вновь и съ такою силой, что доводятъ его почти до галлюцинацій. Вездѣ и всюду чудятся ему набатъ, пламя пожара и шумъ рѣзни. «Ежечасно, охваченный страшною грустью, онъ ждалъ, что все рухнетъ, и Парижъ потонетъ въ крови, объятый пламенемъ». Опасенія превращаются у него, наконецъ, въ увѣренность въ неизбѣжности: просыпаясь утромъ или выходя изъ церкви, онъ всматривается: «не сметенъ ли Парижъ ураганомъ гнѣва и справедливости, не произошла ли ожидаемая катастрофа, что должна поглотить его какъ-нибудь утромъ, оставивъ подъ его свинцовымъ небомъ только зловонное болото среди развалинъ».

Такъ проходятъ три года со времени возвращенія Пьера.

тался едва не во всѣхъ газетахъ и журналахъ, и притомъ почти одновременно съ печатаніемъ его въ одной изъ парижскихъ газетъ, и уже вышелъ разомъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

изъ Рима. Однообразно и тоскливо течетъ его жизнь, пока обстоятельства не сводятъ его съ его братомъ Гильомомъ.

Гильомъ, родной братъ Пьера, но значительно старше его, вдовецъ, химикъ по профессіи, живетъ въ своемъ домикѣ въ Парижѣ съ тремя своими взрослыми сыновьями, тещей, которую всѣ они называютъ бабушкой, и одной молодой дѣвушкой, Маріей, на которой собирается жениться. Братья живутъ совершенно врозь, «какъ бы на различныхъ планетахъ, разъединенные словно ударомъ топора». Гильомъ считаетъ Пьера черезчуръ уже твердо вѣрующимъ священникомъ, а цѣломудреннаго Пьера отталкиваетъ подозрительный, по его мнѣнію, образъ жизни Гильома. И съ первой своей женой онъ не вступалъ въ законный бракъ, а теперь, будучи старикомъ, собирался вступить въ связь съ молодой дѣвушкой. Кромѣ того, Гильомъ былъ революционеромъ по своимъ воззрѣніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и вся семья,—атеистомъ. Поэтому братья, хотя и любятъ другъ друга, но, при рѣдкихъ и случайныхъ встрѣчахъ, обмѣниваются лишь рукопожатіями.

Но въ тотъ день, съ котораго начинаются происшествія, описанныя въ романѣ, братья сходятся. Гильомъ занятъ приготовленіемъ новаго взрывчататаго пороха, страшной, невѣдомой еще дотогѣ силы, и свое изобрѣтеніе намѣренъ подарить Франціи, а пока держитъ его въ строжайшемъ секретѣ. Но анархистъ рабочій Сальва, доведенный до отчаянія безработицей и голодомъ, крадетъ у него одинъ изъ начиненныхъ его порохомъ патроновъ и подбрасываетъ его подъ ворота отеля одного извѣстнаго богача. Отель остается почти невредимымъ, но взрывомъ убиваетъ шедшую по двору дѣвушку-модистку и ранитъ самого Гильома, который случился тутъ же и, догадавшись о намѣреніи Сальва, кинулся за нимъ съ цѣлью помѣшать ему въ исполненіи его замысла. Оказывается, что за Сальва слѣдилъ и Пьеръ, который, увидавъ раненаго брата, беретъ его и въ суматохѣ незамѣтно увозитъ къ себѣ. Гильому необходимо скрыться, такъ какъ онъ состоитъ уже въ пс-

дозрѣніи у полиціи; кромѣ того, онъ боится, что Сальва, если его поймаютъ (теперь онъ успѣлъ скрыться), признается, откуда онъ добылъ патронъ. Вмѣстѣ съ Гильомомъ Пьеру вскорѣ приходится пріютить, вслѣдствіе начавшихся розысковъ и обысковъ, еще и престарѣлаго социалиста Бартеса, врага всѣхъ правительствъ. Гильома и Бартеса навѣщаютъ социалисты разныхъ оттѣнковъ, и между гостями начинаются горячіе и безконечные споры о преимуществахъ теорій Конта, Прудона, Сень-Симона, Фурье и проч., а Пьеръ сидитъ въ углу, не принимая участія въ разговорѣ, и съ глубокимъ отчаяніемъ прислушивается къ спорамъ. «Въ первые разы онъ и самъ страстно увлекался ихъ теоретическими воззрѣніями, что было, впрочемъ, совершенно естественно со стороны чело-вѣка, измученнаго отрицаніемъ и томившагося жаждою истины,—человѣка, который хотѣлъ подвести итогъ социалистическимъ идеямъ нынѣшняго столѣтія, изучить ихъ всѣ, дабы выяснитъ себѣ пройденный уже путь и пріобрѣтенные фактическіе результаты. Слушая тѣмъ не менѣе, какъ посѣтители спорили другъ съ другомъ, не находя никакой почвы для примиренія, Пьеръ сразу же разочаровался и впалъ опять въ самое безнадежное отчаяніе. То, что онъ переживалъ теперь въ Парижѣ, послѣ неудачныхъ поѣздокъ въ Лурдъ и Римъ, являлось для молодого священника третьимъ по счету жизненнымъ опытомъ. Онъ понималъ, что въ данномъ случаѣ дѣло шло о результатахъ умственнаго движенія всего нынѣшняго вѣка. Пламенѣя усердіемъ, онъ послѣдовательно переходилъ отъ одного социалистическаго ученія къ другому, которое отвергалъ въ свою очередь, чтобы перейти къ третьему... Потомъ Пьеръ совершенно утратилъ подъ собою почву. Онъ усматривалъ одни только противорѣчія и хаотическую непослѣдовательность всѣхъ этихъ попытокъ социальнаго переустройства. Всюду онъ видѣлъ лишь массу нагроможденныхъ вулканическихъ отбросовъ, среди которыхъ терялась тропа. Всѣ эти творцы социалистическихъ системъ

вступали въ борьбу и другъ съ другомъ и со своими предшественниками, при чемъ въ разгаръ ея доходили до такой степени ослѣпленія, что даже выработанныя ими со-обща теоріи оказывались затемненными, искаженными до неузнаваемости. Этимъ объяснялась и хаотическая неурядица между самими социалистами».

Два мѣсяца проводитъ Гильомъ въ домѣ Пьера. За это время, видясь по порученіямъ Гильома съ его семьей, Пьеръ постепенно, волею-неволею, сближается съ нею, хотя его прадубѣжденія противъ нея все еще не могутъ исчезнуть. Наконецъ рана Гильома заживаетъ; пойманный и уже казненный Сальва не выдаетъ его; всякая опасность такимъ образомъ исчезаетъ, и Гильомъ возвращается домой. Пьеру приходится уже часто посѣщать брата, въ семьѣ котораго онъ находитъ теперь самый теплый и родственныи пріемъ; онъ даже учится помогать Гильому въ его работахъ; но тяжесть на его душѣ не становится меньше. Мало того, онъ съ ужасомъ открываетъ, что онъ любитъ Марію, невѣсту Гильома, которая платитъ ему взаимностью. Ему становится теперь понятною та неловкость, которую онъ съ самаго начала ощущалъ въ домѣ Гильома. Любовь молодыхъ людей мало-по-малу становится очевидною для всѣхъ, и Гильомъ, послѣ тяжкой борьбы съ самимъ собою, уступаетъ невѣсту брату. Но сердечная неудача, отчасти въ связи съ раздраженіемъ, вызваннымъ въ немъ казнью Сальва, толкаетъ его на страшное дѣло. При помощи изобрѣтеннаго имъ ужаснаго взрывчатаго состава онъ задумываетъ взорвать только что отстроенную базилику Священнаго Сердца (Иисусова) и притомъ въ тотъ моментъ, когда она переполнена молящимися, которыхъ въ ней можетъ помѣститься десять тысячъ чело-вѣкъ. Взрывающая на воздухъ громадная каменная масса собора и сила сотрясенія должны были, помимо того, разрушить прилегающіе кварталы и даже быть можетъ и его собственный домъ. Разумѣется, онъ долженъ погибнуть при этомъ и самъ. Бабушка, отъ которой онъ ничего не

скрываетъ и которую онъ посвящаетъ и въ этотъ планъ, хотя отчасти и отговариваетъ его, но съ другой стороны вполне ему сочувствуетъ и даже содѣйствуетъ, и адскій планъ непременно былъ бы приведенъ въ исполненіе, если бы Пьеръ случайно не подслушалъ разговора о немъ Гильома съ бабушкой. Въ себя отъ ужаса, онъ начинаетъ пристально слѣдить за Гильомомъ, замѣчаетъ, какъ тотъ потихоньку таскаетъ порохъ въ соборный подвалъ, а когда Гильомъ отправляется совершать свое страшное дѣло— потихоньку прокрадывается за нимъ. Увидавъ брата вмѣстѣ съ собою въ подвалѣ собора и видя, что тотъ проникъ въ его замыслъ, Гильомъ сначала убѣждаетъ его уйти, пока еще не поздно, и объясняетъ ему мотивы своего преступленія. Но когда Пьеръ не только не уходитъ, а, напротивъ, начинаетъ умолять его не приводить въ исполненіе своего ужаснаго замысла и даже хочетъ силою помѣшать ему, Гильомъ приходитъ въ ярость, бросается на брата и между ними завязывается борьба.— «Я буду мѣшать тебѣ, пока буду живъ!» говоритъ Пьеръ.— «Пока будешь живъ!»—кричитъ въ себя отъ злобы Гильомъ:— «такъ умри же, несчастный братъ!» и, схвативъ обѣими руками кирпичъ, бросаетъ имъ въ Пьера. Тотъ падаетъ; Гильому кажется, что братъ убитъ. И въ этотъ моментъ точно молнія озаряетъ его помутившійся разумъ. Весь ужасъ, вся гнусность задуманнаго имъ дѣла представляются ему съ такою ясностью, что онъ, ухватившись за голову, съ рыданіемъ падаетъ на землю. Пьеръ, только оглушенный ударомъ кирпича, встаетъ, поднимаетъ брата, утѣшаетъ его и, закрывъ камнемъ мину, уводитъ его домой.

Вскорѣ послѣ этого Пьеръ, еще раньше снявшій съ себя священническій санъ, женится (гражданскимъ бракомъ) на Маріи и переселяется къ Гильому, въ качествѣ его помощника. Послѣдній окончательно отрезвляется отъ своего революціоннаго безумія и, оставивъ намѣреніе посвятить изобрѣтенный имъ порохъ военнымъ цѣлямъ, примѣняетъ его въ качествѣ двигателя къ изобрѣтенному однимъ изъ

его сыновей самодвижущему велосипеду. Вскорѣ затѣмъ у Пьера и Маріи рождается сынъ. И дивная метаморфоза совершается тогда съ Пьеромъ. Оказывается, что всѣ его несчастія, такъ враспорѣчиво описанныя Золя въ «Лурдѣ», «Римѣ» и «Парижѣ», происходили, какъ и у Гильома, единственно... отъ неудовлетворенной любви. Тягостное душевное состояніе, преслѣдовавшее его на пространствахъ цѣлыхъ трехъ романовъ, исчезаетъ какъ сонъ. Радостно, ясно и легко становится у него на душѣ. Соціальныя бѣдствія уже не волнуютъ его, какъ будто они перестали уже существовать; будущее для него свѣтло. Онъ уже не задается теперь никакими широкими задачами. Благотворительность онъ уже не считаетъ теперь дѣломъ и оставляетъ занятія ею. Онъ приходитъ къ убѣжденію, что религія отжила свой вѣкъ и что будущее принадлежитъ труду, физическому и умственному, наукѣ и справедливости, которые водворятъ на землѣ счастье и вернуть золотой вѣкъ. И счастье это должно выйти не изъ Лурда и не изъ Рима, а изъ Парижа—центра вселенной и мозга человечества—этого «котла, въ которомъ варится будущее человечества».

II.

Вотъ вкратцѣ содержаніе «Парижа». Мы опускаемъ разныя вставные эпизоды, не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа. Изъ содержанія романа ясно видно, что авторъ изображаетъ въ немъ два діаметрально противоположныя міра, олицетворяемые у него Парижемъ,—міръ (или Парижъ) со старыми устоями — разлагающійся, погибающій, и міръ (или Парижъ) будущаго — только зараждающійся—на новыхъ началахъ, которыя должны возродить и спасти человечество. Дуализмъ въ романѣ безпощадный—въ своемъ родѣ царства Ормузда и Аримана. Старый міръ изображенъ съ обычнымъ у автора реализмомъ, хотя и не особенно ярко. Тѣ, кто читали предыдущія произведенія Золя и знаютъ,

какое море грязи выгнали на свѣтъ Божій этотъ писатель, не найдутъ въ разсматриваемомъ романѣ какихъ-либо новыхъ деталей; разница только въ томъ, что здѣсь гораздо шире арена, изображаемая авторомъ. Тогда какъ прежде Золя изображалъ обыкновенно какой-нибудь одинъ кружокъ, какую-нибудь одну сторону общественной жизни или дѣятельности,—здѣсь онъ изображаетъ городъ, который выставляетъ столицей міра, со всѣхъ сторонъ. И нужно сказать, что изображаемый имъ міръ въ достаточной степени гадокъ. Здѣсь и мать съ дочерью изъ аристократической семьи, отбивающія другъ у друга любовника и смертельно ненавидящія другъ друга; и молодой графъ, сперва состоявшій въ связи съ матерью, а потомъ предающій себя дочери — уроду; и публичная женщина, дошедшая до послѣдней степени паденія и тѣмъ не менѣе свергающая и назначающая министровъ; финансистъ, подкупающій депутатовъ и низвергающій министерства въ угоду своей любовницѣ; психопаты и психопатки съ извращеннымъ половымъ чувствомъ; избранное общество, посѣщающее омерзительнѣйшіе кабаки, или развлекающееся неприличными танцами; продажные министры и депутаты; подонки прессы — редакторы, ради дохода превратившіе свои газеты въ помойныя ямы и печатающіе такія мерзости, отъ которыхъ краснѣютъ даже потерявшіе всякій стыдъ дѣльцы, и т. д.; и здѣсь же католическая пропаганда — хитрые прелаты, съ большимъ искусствомъ и удобствомъ ловящіе рыбу въ мутной водѣ и все обращающіе себя на пользу; и рядомъ со всѣмъ этимъ — ужаснѣйшая нищета и горе, — нищета безграничная, невѣроятная, помрачающая умъ и ледящая сердце. Картина безотрадная! Что же противопоставляетъ авторъ этому гибнущему міру? Какими красками изображаетъ свой другой міръ, міръ будущаго, міръ зарождающійся? — Увы! здѣсь повторяется старая, всѣмъ извѣстная исторія. Изображеніе этого другого міра ограничивается у автора довольно блѣднымъ и сантиментальнымъ описаніемъ одной

семьи и нѣсколькими разсужденіями—нужно сознаться— въ достаточной степени скучными и наивными. Чтобы не быть голословными, разсмотримъ это поподробнѣе.

III.

Семья, скрывающая въ себѣ зародыши свѣтлаго, имѣющаго обновить и спасти міръ будущаго — это извѣстная уже намъ семья Гильома, вся его семья. Семья эта является олицетвореніемъ труда и справедливости. Самое трогательное согласіе царствуетъ въ ней. Бабушкѣ, женщицѣ «со смѣлой и возвышенной душой», безпрекословно повинуются все въ домѣ, начиная съ самого Гильома, который ничего не дѣлаетъ безъ ея совѣта и одобренія. Всегда молчаливая и, повидимому, почти не встающая со стула, на которомъ она сидитъ со своимъ вышиваньемъ, она на самомъ дѣлѣ царитъ въ домѣ и все направляетъ въ немъ — бодрая и авторитетная. Самъ Гильомъ — умный, бодрый, трудолюбивый и добрый старикъ. Сыновья его — здоровые, скромные, серьезные, работающіе и жизнерадостные юноши — обожаютъ своего отца. «Уравновѣшенная», какъ называетъ ее авторъ, Марія по своему характеру похожа на нихъ какъ сестра. Вотъ и вся характеристика. Нельзя не сказать, что, за исключеніемъ развѣ только Гильома, характеры семьи очерчены блѣдно. Къ этой семьѣ примыкаетъ въ указанномъ отношеніи, разумѣется, и Пьеръ, а Жанъ, его маленький сынъ, здоровый и толстый мальчикъ, олицетворяетъ собою человечество новаго міра. — Изложимъ теперь *основы* будущаго міра Золя.

Нашедшій свое счастье Пьеръ видитъ теперь хорошее и въ *современномъ* Парижѣ. «Парижъ», разсуждаетъ онъ — это громадный котель, въ которомъ варится все человечество — и лучшая и худшая часть его: ужасное варево колдуньи, состоящее изъ драгоценнаго порошка и отбросовъ, — изъ котораго долженъ былъ получиться эликсиръ любви и вѣчной молодости... И все это кипѣло въ колос-

сальномъ котлѣ Парижа — всѣ эти желанія, насилія, разнужданныя страсти, невообразимая смѣсь всякихъ ѣдкихъ ферментовъ, изъ которой должно было вылиться широкимъ потокомъ чистое вино будущаго». И Пьеръ созналъ «всю плодотворность работы, происходившей на днѣ котла, подъ всѣми этими нечистотами».

«Пусть же, продолжаетъ мечтать Золя устами Пьера, предоставлять вѣка и новой религіи науки (какъ нѣкогда христіанству), глухой ростъ которой предвѣщается всюду, — и тогда увидать, какъ сложатся въ новое евангеліе прекрасныя идеи Фурье; какъ воля станетъ рычагомъ, движущимъ міръ; какъ трудъ будетъ принятъ всѣми, уважаемъ, урегулированъ и признанъ существеннымъ механизмомъ естественной и социальной жизни; и какъ страсти, поощряемыя, удовлетворяемыя и утилизируемыя послужать, наконецъ, для счастья всего человѣчества. Всемирный вопль о справедливости, вопль все больше и больше раздающійся со стороны великаго нѣмого народа, такъ долго одурачиваемаго и мучимаго, есть только крикъ о томъ счастьи, къ которому стремятся всѣ существа, — полное удовлетвореніе потребностей и осуществленіе мірской жизни, при развиги всѣхъ силъ и пользованіи всѣми радостями. Придетъ время, когда это царство Божіе настанетъ и на землѣ, даже если при этомъ нищія духомъ временно и будутъ страдать отъ гибели ихъ иллюзій, потому что необходима жестокая операція, чтобъ освободить слѣпыхъ отъ ихъ бѣдствій и избавить ихъ отъ продолжительной и страшной тьмы невѣжества».

«Прежде всего Пьеру открылся законъ труда. Онъ поставилъ себѣ самую скромную задачу — заниматься такъ поздно выученнымъ имъ ручнымъ ремесломъ, которому онъ ни на одинъ день не измѣнитъ, который дастъ ему въ принятой имъ на себя роли ясное сознание исполненнаго долга, такъ какъ сама жизнь есть только трудъ, и міръ существуетъ только цѣною усилій... Надъ всѣми страстями, честолюбіями, пороками и недостатками ему рисо-

вался колоссальный трудъ, геройское усиліе рукъ на вер-
фяхъ и на заводахъ, дивная сосредоточенность интелли-
гентной молодежи, которая, какъ онъ зналъ, занята дѣломъ,
изучаетъ въ тишинѣ науки, не пренебрегая ни одною по-
бѣдой прежнихъ поколѣній и сгорая желаніемъ расширить
область ихъ завоеваній. И благодаря восторженному Па-
рижу, все это будущее перерабатывалось во всемъ его
величіи, чтобы засіять лучезарною зарей. Если у древняго
міра былъ Римъ, теперь умирающій, то *надъ современнымъ
міромъ всевластно царитъ Парижъ, этотъ центръ вѣсѣхъ
народовъ*, переходящихъ въ вѣчномъ движеніи отъ одной
цивилизаціи къ другой, совершая свой путь по солнцу,
съ востока на западъ. Парижъ былъ мозгомъ; все великое
прошлое подготовило его быть инициаторомъ, руководите-
лемъ и освободителемъ всѣхъ остальныхъ городовъ. Вчера
онъ возвѣщалъ народамъ идею свободы, завтра онъ дастъ
имъ религію науки, справедливости, ожидаемую демокра-
тіей. Парижъ былъ воплощеніемъ доброты, веселія и кро-
тости, жажды знать все и великодушія, готоваго все от-
дать. Въ немъ, въ рабочихъ его предмѣстіяхъ, въ крестья-
нахъ его сель, заключался неистощимый источникъ, изъ
котораго будущее могло черпать безъ конца. Парижемъ
кончалось настоящее столѣтіе, а слѣдующее начиналось и
развертывалось имъ же; и весь шумъ его чудовищной ра-
боты, весь его свѣтъ маяка, господствующаго надъ зем-
лей, — все, исходившее изъ нѣдръ его въ буряхъ, громахъ
и побѣдоносныхъ молніяхъ, блистало только окончатель-
нымъ свѣтомъ, изъ котораго должно было создаться счастье
человѣчества».

Чтобы усилить впечатлѣніе, Золя многократно описы-
ваетъ даже свѣтовые эффекты, производимые парижскимъ
солнцемъ. Напр.

«Солнце уже закатывалось за узенькими грядками пур-
пурно-красныхъ тучъ, и косвенные его лучи осыпали сто-
лицу словно сіяющимъ дождемъ свѣта. Казалось, будто
одѣтый въ солнечные лучи дивный Святель щедро раз-

брасывалъ ярко сверкавшія искры свѣта цѣлыми горстями по всему горизонту». При этомъ въ особенности освѣщаются кварталы трудового и учащагося Парижа. «Очевидно, мечтаетъ Пьеръ, что тамъ и должна взойти ожидаемая обильная жатва». Эти свѣтовые солнечные эффекты Золя описываетъ такъ часто и такъ наивно, что подъ конецъ вызываетъ этимъ раздраженіе у читателя.

Н. Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ „РЕЛИГИИ“.*)

Вмѣстѣ съ наукой, факторами, долженствующими вернуть на землю золотой вѣкъ, Золя считаетъ трудъ и справедливость. Прекрасныя слова! Но не говоря уже о томъ, что и то и другое проповѣдуется Священнымъ Писаніемъ, развѣ они только теперь появились на землю? Почему же доселѣ они не могли обновить міра? А затѣмъ, что касается труда, то кажется, что никогда еще трудъ такъ не обезцѣнивался и такъ мало обезпечивалъ работниковъ, какъ теперь, вслѣдствіе громаднаго перепроизводства рабочихъ рукъ и головъ. А будущее, судя по всѣмъ даннымъ, сулитъ въ этомъ отношеніи не улучшеніе, а, напротивъ, еще бѣльшее ухудшеніе. Безработица, степень которой прямо пропорціональна культурности государствъ, хорошо извѣстна г. Золя. Вотъ, на примѣръ, что пишетъ онъ въ «Римѣ»:

«Всему виною безработица: она не только опустошаетъ всѣ тощія копилки, но подтачиваетъ бодрость и приучаетъ къ лѣности. Цѣлыми недѣлями мастерскія остаются пустыми, мускулы рукъ становятся мягкими. Въ этомъ Парижѣ, такъ лихорадочно ищущемъ жизни и движенія, невозможно найти хотя самую пустяшную работу. Вечеромъ мужъ возвращается домой съ глазами, полными слезъ, и съ пустыми руками, которыя онъ предлагалъ повсюду, но которыхъ не взяли даже для подметанія улицъ, потому что и для этого нужна протекція. Не чудовищно ли, что въ

*) Продолженіе. См. июльскую кн. *Душепол.* Чт. 1898 г.

этомъ огромномъ городѣ, гдѣ ворсчаютъ миллионами, гдѣ блестятъ роскошь, человекъ ищетъ работы, чтобы обрѣсти кусокъ хлѣба, и не находитъ ея—и остается голоднымъ? Жена остается безъ ѣды, дѣти плачутъ отъ голоду. И вотъ наступаетъ черная нищета, озвѣрѣніе, зарождается чувство возмущенія, негодованія, всѣ соціальныя связи разрываются подъ давленіемъ жестокой несправедливости, осуждающей безсильныхъ на голодную смерть. И вотъ одряхлѣвшій работникъ, истощившійся въ теченіе пятидесяти лѣтъ на тяжелой работѣ, не имѣя даже возможности припрятать нѣсколько грошей на черный день, остается безъ крова, безъ семьи. Гдѣ преклонитъ онъ свою голову въ часъ смерти? Неужто ничего больше не остается, какъ добить его ударомъ молота, какъ забѣсившееся животное, въ тотъ день, когда не имѣя работы, онъ не имѣетъ, что ѣсть? И въ каждой семьѣ все та же печальная исторія. i) Тѣ, кому покажется этого недостаточно, пусть прочтутъ романъ того же Золя «Germinal», не говоря уже о массѣ другихъ подобныхъ произведеній. Вотъ положеніе труда въ настоящее время! Гдѣ же, повторяемъ, данныя, говорящія о томъ, что въ будущемъ не только положеніе труда будетъ обезпеченнѣе, но самъ трудъ обезпечитъ трудящагося? Повидимому, можно ожидать лишь противнаго.

Еще болѣе злоупотребляетъ Золя словомъ справедливость, отъ которой онъ не отдѣляетъ свободы. Но развѣ можно говорить о справедливости въ современномъ мірѣ всеобщей борьбы и грызни? e) Золя говоритъ, что Парижъ уже кинулъ народамъ кличъ свободы. Подъ этими словами разумѣются «великіе освободительные принципы» французской революціи. Но въ настоящее время, когда исторія французской революціи значительно разработана, съ достаточностью выяснено, что это было одно изъ наиболѣе

i) „Римъ“, стр. 12—13.

e) Здѣсь и ниже мы говоримъ, конечно, лишь о „культурныхъ“ странахъ Запада.

беззаконныхъ и кровавыхъ событій не только во Франціи, но и въ цѣломъ мірѣ. Недаромъ одна изъ безчисленныхъ жертвъ этой революціи воскликнула на гильотинѣ: «о, свобода, свобода! сколько преступленій совершается во имя твое!» «Свобода—ничто, если она не организована какъ слѣдуетъ»—говоритъ и одинъ изъ героевъ «Парижа». Но гдѣ же плоды этой революціи?

Что насильемъ взято

— Проклято...

Иначе и быть не можетъ. Французская революція залила кровью Францію, а изъ революціи появился Наполеонъ и залилъ кровью всю Европу, а потомъ... потомъ все пошло, въ сущности, по прежнему. Теперешняя политическая исторія Франціи, увы, весьма слабо отражаетъ «освободительные принципы» и совсѣмъ не говоритъ о справедливости. Современная намъ дѣйствительность совсѣмъ не представляетъ собою почвы, на которой справедливость могла бы расцвѣсти такъ пышно, какъ это предполагаетъ Золя.

Наконецъ, братство народовъ, о которомъ мечтаетъ Золя въ «Римѣ», повидимому, навсегда должно остаться лишь прекрасною мечтой. Въ качествѣ творческихъ факторовъ, которые должны создать новую цивилизацію, Золя выводитъ даже страсти, «поощряемыя и утилизируемыя». Но такая наивность способна въ лучшемъ случаѣ вызвать лишь улыбку. Когда же и гдѣ страсти бывали созидающимъ началомъ? Это начало не созидающее, а разлагающее.

Еще одно небольшое замѣчаніе. По мнѣнію Золя, свѣтъ будущей цивилизаціи выйдетъ изъ Парижа. Парижъ—это «котель, въ которомъ варится будущее человечества». Но почему же именно изъ Парижа? Почему, на примѣръ, не изъ Берлина, Лондона или Петербурга?

Какъ ни почтенны сами по себѣ слова: наука, трудъ, справедливость, все же не въ нихъ только сила. Есть нѣчто, безъ чего и эти прекрасныя слова всегда будутъ казаться безжизненными, что одно только ихъ оживляетъ и оплодотворяетъ и что одно только есть въ полномъ смыслѣ слова творческое начало. Это—*любовь*, о которой, однако, г. Золя почему-то совсѣмъ умолчалъ, хотя, какъ увидимъ ниже, все, что дѣлають хорошаго герои его собственнаго романа, дѣлають только движимые любовью. А любовь есть сущность христіанства, смыслъ Евангелія.

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. По тому узнають всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою.

Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.

Сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга (Іоан. XIV, 34. 35; XV, 12. 17).

Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ (I Иоан. 4, 16).

Посланія Апостола Іоанна Богослова есть одна проповѣдь любви. А вотъ похвала любви въ 13 главѣ перваго посланія Апостола Павла къ Коринтеянамъ:

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій.

Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто.

И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.

Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ.

Все покрываетъ, всему вѣрить, всего надѣется, все переносить.

Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и язвы умолкнуть, и знаніе упразднится (Ст. 1—8).

Основной догматъ христіанства есть искупленіе падшаго человѣчества Сыномъ Божиимъ. Богъ такъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго не пощадилъ для спасенія грѣшнаго человѣчества. Вотъ поворотный пунктъ въ исторіи. До пришествія Христова не всѣ люди были людьми: люди раздѣлялись на господъ и вообще свободныхъ и рабовъ. Послѣдніе не считались людьми, не имѣли никакихъ человѣческихъ правъ. Ихъ можно было безнаказанно убивать, какъ животныхъ, бросать живыхъ людей на кормъ рыбамъ, травить для потѣхи толпы, тысячи людей дикими звѣрями въ циркахъ и т. п. Но Христось, пришедши на землю въ образѣ раба и претерпѣвъ рабскую, считавшуюся наиболѣе позорною, смерть на крестѣ, искупилъ людей Своею кровію и научилъ ихъ, что *всѣ* люди *братья* и что *за каждого* изъ людей Онъ страдалъ. Вотъ начало истинной цивилизаціи. Вотъ откуда получило свое начало признаніе *личности*, свобода и права человѣка и всѣ тѣ гуманитарныя идеи, которыми такъ гордится современная цивилизація. Вотъ съ какого времени человѣкъ, всякій человѣкъ, сталъ считаться именно *человѣкомъ*, а не вещью, не животнымъ, съ которымъ и поступать можно какъ съ животнымъ.

Тотъ, кто съ вѣчною любовію
 Воздавалъ за зло добромъ—
 Избѣнъ, покрытый кровію,
 Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ—
 Всѣхъ, съ собой страдаемъ сближенныхъ,
 Угнетенныхъ и униженныхъ,
 Осѣнилъ своимъ крестомъ.

Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнуть подъ ярмомъ,
Вѣрите, други, въ избавленіе—
Къ Божью свѣту мы грядемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпами удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

Наученные Христомъ апостолы, а затѣмъ ихъ ученики и преемники, не замкнулись въ себѣ, но понесли проповѣдь христіанской любви языческому міру. Но не скоро могъ понять и усвоить этотъ міръ новую проповѣдь: слишкомъ ужъ чуждо ей было все его міросозерцаніе, и весьма многіе изъ проповѣдниковъ христіанства запечатали свою проповѣдь собственной кровью. Но они не страшились этого, а продолжали свое дѣло и шли все дальше и дальше, потому что любовь побуждала ихъ не медлить съ проповѣдью спасенія. И подъ вліяніемъ этой проповѣди міръ мало-по-малу перерождался. И это сдѣлала творческая сила христіанской любви. И во всѣ послѣдующія времена и въ наши дни находились и находятся люди, выросшіе нерѣдко во всѣхъ удобствахъ современной цивилизаціи, которые оставляютъ все и идутъ проповѣдывать слово Божіе въ отдаленнѣйшія страны, къ дикимъ племенамъ, гдѣ терпятъ невѣроятныя лишенія, а иногда даже и мученическую смерть. Разумѣется, отсюда нужно исключить тѣхъ, кто шли на проповѣдь хоть съ крестомъ въ одной рукѣ, но съ мечомъ въ другой, кто зажигали костры инквизиціи. Эти люди не имѣли христіанской любви, но они не имѣли и истинной вѣры и проповѣдывали не Христа, а папу. — Что поддерживаетъ дружественное общеніе между людьми — залогъ истиннаго прогресса, что помогаетъ безропотно и благодушно переносить бѣдствія и несчастія жизни, что утѣшаетъ несчастныхъ и обездо-

ленныхъ? — Вѣра и христіанская любовь 1). — Впрочемъ, христіанство и не обѣщаетъ своимъ послѣдователямъ безпечальную жизнь здѣсь на землѣ; оно учитъ, что многими скорбями подобаетъ войти въ царствіе Божіе; Самъ Христосъ освятилъ страданія своимъ примѣромъ. И человекъ долженъ выстрадать свое спасеніе: страданія очищаютъ и возвышаютъ его душу и дѣлаютъ его достойнымъ царствія небеснаго. Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ — говорить народъ. — Любовь вообще и христіанская въ особенности — вотъ цементъ общественной жизни, вотъ основа всякаго общества — и малаго и большого. Еще древніе (Саллюстій) говорили: «*concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur*» м). Оттого и одолѣли насъ разныя соціальныя бѣдствія, что оскудѣли въ людяхъ вѣра и любовь. Когда люди стали гасить въ своей душѣ эти свѣточы, распространился нравственный мракъ, и наступило царство нечестія, гордыни, эгоизма и себялюбія. Возрожденіе въ насъ вѣры и любви — вотъ панацея отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдъ, и вотъ о чемъ намъ нужно заботиться прежде всего и больше всего — остальное приложится. Нужно покаяться и сотворить плоды, достойные покаянія, дабы приблизилось къ намъ царствіе Божіе, — и тогда наступитъ царствіе Божіе, ибо оно внутри насъ есть; а всѣ соціальныя системы Фурье и прочихъ, о которыхъ мечтаетъ

л) Въ апрѣлѣ текущаго года въ Петербургѣ и Москвѣ г жей Лухмановой были прочитаны двѣ лекціи изъ жизни современной Италіи: „Въ странѣ солнца, пѣсенъ и нищеты“. Намъ не пришлось слышать этихъ лекцій, но программа ихъ была напечатана въ газетахъ. И вотъ, что между прочимъ стояло въ этой программѣ: „Вѣра и любовь къ дѣтямъ, какъ элементы, поддерживающіе жизнь бѣдняка“. — На эту же вообще тему написанъ небольшой, но прекрасный и глубокосодержательный разсказъ г. Потапенко: „Смыслъ жизни“.

м) Что согласіе, стремленіе къ единенію, а не борьба за существованіе есть на самомъ дѣлѣ основа жизни — растительной, животной и общественной — см. объ этомъ замѣчательную рѣчь (на актѣ Харьковскаго Университета, 1892 г.) проф. И. П. Скворцова: „Въ чемъ сила жизни и всей природы“.

т. Золи, всегда будутъ лишь уничтожать другъ друга и никогда не сдѣлаютъ человѣка ни добрѣе ни счастливѣе. Тогда—и только тогда—и наука, и трудъ, и справедливость получать вполнѣ свое значеніе и будутъ въ дѣйствительности содѣйствовать счастью и благу человѣчества.

V.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ характерахъ «Парижа», которые являются носителями положительныхъ началъ г. Золя. Каково достоинство этихъ характеровъ, какъ относятся поступки ихъ обладателей къ общечеловѣческой нравственности, и насколько оправдываютъ они надежды и теоріи?

Главное дѣйствующее лицо «Парижа» аббатъ Пьеръ Фроманъ, какъ мы уже говорили, человѣкъ выдающихся нравственныхъ качествъ. Онъ совершенно чуждъ эгоизма, отдаетъ всего себя на служеніе страждущимъ и бѣдствующимъ и свято соблюдаетъ принятыя имъ на себя обязательства. Онъ колеблется жениться на Маріи, хотя любитъ ее, какъ и она его,—колеблется, несмотря на полное согласіе Гильома, такъ какъ знаетъ, какъ все же тяжело будетъ это для послѣдняго. Чтобы удержать брата отъ безумнаго дѣла, онъ готовъ пожертвовать даже своею жизнью. И однако самъ авторъ, съ непонятнымъ самопротиворѣчіемъ, спѣшитъ обезцѣнить поступки своего героя. Оказывается, къ изумленію читателя, что вся нравственная чуткость Пьера, вся его любовь и состраданіе къ несчастнымъ, его страстные мечтанія о всеобщемъ благѣ—словомъ, все, что есть въ немъ привлекательнаго,—все это единственно слѣдствіе неудовлетворенности личныхъ желаній Пьера. Когда Пьеръ женится на Маріи и обрѣтаетъ свое личное счастье, мгновенно и безвозвратно исчезаютъ и его состраданіе къ несчастнымъ, какъ будто несчастія эти уже совсѣмъ перестали существовать, и недовольство современнымъ порядкомъ вещей и вообще все

что его мучило раньше; социалистическія теоріи, прежде казавшіяся ему такими запутанными и противорѣчивыми, теперь становятся для него ясными и разумными; является ликующая увѣренность, что все въ мірѣ идетъ къ лучшему: словомъ, свое личное счастье онъ переноситъ почему-то на весь міръ. Не правда ли, какъ это легко и удобно? Плохо однако пришлось бы тому, кто возложилъ бы всѣ свои упованія на подобныхъ людей. Плохихъ слугъ имѣютъ идеи г. Золя, и трудно надѣяться, чтобы эти идеи при такихъ обстоятельствахъ переродили міръ.

Есть однако у Пьера поступки, которые остаются хорошими, независимо отъ его настроенія. Но только къ этимъ поступкамъ побуждаетъ Пьера *любовь* — та самая любовь, которой у Золя нѣтъ мѣста въ его будущемъ мірѣ. Что заставляетъ Пьера отказываться отъ любимой дѣвушки въ пользу брата? Что побуждаетъ его жертвовать своею жизнью для спасенія брата отъ гибели и отъ ужаснаго злодѣянія? Любовь и только она одна — любовь и къ брату, и къ людямъ вообще. Любовь и состраданіе къ ближнимъ побуждали его и къ благотворительности.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ другимъ героемъ романа—Гильомомъ. Этотъ серьезный человекъ, подъ влияніемъ сердечной неудачи (которую ему слѣдовало бы перенести благодушно: вѣдь онъ уже старикъ), вдругъ превращается въ дикаго звѣря и задумываетъ такое преступленіе, которое въ пору только самымъ отчаяннымъ анархистамъ. Если таковы будутъ герои будущаго міра Золя, то можно поручиться, что въ этомъ мірѣ не будетъ не только царства истины, справедливости и свободы, но никогда не будетъ даже и простого порядка.

Сыновья Гильома — хорошіе молодые люди, но совершенно безцвѣтные, тогда какъ ихъ, какъ носителей будущей цивилизации, автору слѣдовало бы надѣлать какими-нибудь опредѣленными качествами.—Безцвѣтной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несимпатичной, кажется и Марія. Какая

разница между нею и Маріей де-Герсэнь, героиней «Лурда» — разница не въ пользу первой!

Но самый неудавшійся автору типъ — это безъ сомнѣнія бабушка. Несмотря на всѣ похвалы, расточаемыя ей авторомъ, который почему-то хочетъ возвеличить ее больше всѣхъ въ романѣ, типъ этотъ способенъ возмутить и здравый разумъ, и всякое человѣческое чувство. Пусть читатели судятъ сами. Когда Гильомъ рѣшается на свое страшное дѣло, онъ все открываетъ бабушкѣ. Та, правда отговариваетъ его, но лишь потому, что «нельзя бѣжать отъ жизни» и что нужно подумать «о себѣ, о дѣтяхъ, о домѣ»; самый же «планъ его не удивляетъ и не возмущаетъ ея; она смотритъ на него, какъ на громъ небесный, какъ на огонь съ небеси, чистый и высокій въ своемъ могуществѣ». Она даже всячески поддерживаетъ Гильома и помогаетъ ему устраивать малѣйшія подробности. И это женщина, это *мать!* Ей, значить, не представлялась картина тысячъ обуглившихся, растерзанныхъ и изувѣченныхъ труповъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, между которыми много дѣтей, тысячи осиротѣлыхъ малютокъ... Гильомъ, какъ самъ онъ потомъ сознается, задумываетъ свое страшное дѣло въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства, но вѣдь она-то все время въ полномъ разсудкѣ и)! И если таковы должны быть женщины будущей цивилизаціи г. Золя, то отъ этой цивилизаціи нужно отмахиваться, какъ отъ ужаснаго кошмара, какъ отъ величайшаго зла.

Есть однако въ романѣ типъ на самомъ дѣлѣ положительный... Это — *аббатъ Розъ*, знакомый читателямъ «Рима», человѣкъ полный христіанской любви и милосердія, всю свою жизнь и всего себя безъ остатка посвятившій на

и) Русскому читателю невольно припоминается типъ другой бабушки — Татьяны Марьевны Бережковой — въ романѣ Гончарова „Обрывъ“. Несмотря на то, что это женщина со многими недостатками, — насколько она выше и жизненнѣе этой антипатичной деревянной фигуры! А это потому, что „бабушка“ Гончарова — существо живое, *выступающее*, чувствующее и *любящее*.

служеніе своимъ ближнимъ. Онъ не ропщетъ, не приходитъ въ отчаяніе, но выбивается изъ силъ, чтобы принести сколько можно болѣе пользы несчастнымъ и облегчить сколько можно болѣе страданій. За свою неумѣренную доброту онъ подвергается даже высыланію со стороны своего начальства, но это не можетъ остановить его. Когда онъ умираетъ, къ нему приставляютъ сестру милосердія, чтобы онъ не отдалъ своей постели и не умеръ на соломѣ. Передъ смертью его страшно тяготитъ забота о его бѣдныхъ, которые, послѣ его смерти, должны остаться безъ поддержки, и въ особенности трое изъ нихъ: старикъ, разбитая параличемъ старушка и молодая женщина, умиравшая отъ чахотки, съ ребенкомъ. Онъ успокаивается только тогда, когда Пьеръ, по его просьбѣ, соглашается принять на себя заботу объ этихъ несчастныхъ.

Вотъ герои романа Золя, вотъ и плоды его идей. Странные однако это герои, странно и отношеніе къ нимъ автора. Носители его идеаловъ являются у него несимпатичными, а симпатичнымъ оказывается лишь представитель такихъ началъ, которымъ нѣтъ мѣста у нашего автора. Не говорить ли его невольное самообличеніе о томъ, что онъ взялся доказывать то, чего доказать нельзя? Спасали человѣчество и могутъ спасти его только вѣра и любовь, т. е. именно тѣ начала, которыя такъ тщательно вычеркиваетъ г. Золя: они дадутъ смыслъ и жизнь и всѣмъ остальнымъ. Безъ вѣры же и любви эти послѣднія мертвы. *Ищите прежде црства Божія и правды Его, сказали Спаситель, и это все приложится вамъ (Матѣ. VI, 33).*

Н. Колосовъ.